

- ¹⁰ Kiparski V. Über die Betonung altrussischer Volkernamen//Scando-Slavica. 1958. IV. S. 263; См. также: Надеждин Н. И. Указ. раб.
- ¹¹ Трубачев О. Н. Указ. раб. С. 186—190.
- ¹² Хабургаев Г. А. Указ. раб. С. 53—54.
- ¹³ Худаш М. Л. Про походження давньоруських етнонімів «дреговичі» й «уличі»//Мовознавство. 1981. № 5. С. 52—58.
- ¹⁴ Соловьев А. В. Русичи и русовичи//«Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 276—299.
- ¹⁵ Хабургаев Г. А. Указ. раб. С. 155.
- ¹⁶ Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973.
- ¹⁷ Трубачев О. Н. Указ. раб. С. 198.
- ¹⁸ Седов В. В. Указ. раб. С. 131.
- ¹⁹ Ср.: «Угличи были жители нынешней Бессарабии, именно нижней, степной ее части, называвшейся углом. Но, подобно своим преемникам — печенегам, половцам и татарам, они не ограничивались этим углом, они простирались далеко в глубь степей, до Буга по крайней мере, как ясно указывает летописец. Но Буг, как известно, соединяется с Днепром..., где их должны были в первый раз заметить киевские руссы, путешествовавшие Днепром до Греции». См. Надеждин Н. И. Указ. раб. С. 253.
- ²⁰ Ср.: «В старину изгибы морских берегов, заливы, лиманы обыкновенно назывались луками или углами, лукоморьем..., следовательно, под именем угличей разумелось племя, жившее в лукоморье, у морского залива, будь то в низовьях Днепра или другой какой-нибудь реки; что угличи были именно лукоморские жители, на это указывает другая форма их имени — улочи...». См. Соловьев С. М. Соч. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1—2. М., 1988. С. 270.
- ²¹ Херрманн И. Ruzzi, Forsderer, Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.)//Древности славян и Руси. М., 1988. С. 163—168.

The Structure of the Written Sources and Semantics of Ethnic Signs («Ulichy» and «Tivertsy»)

The article focuses on a much discussed subject of ancient ethnonyms, though the approach adopted is not traditional: the ethnonyms are analysed not individually, but as parts of a specific system of the ethnic markers.

The outline of the intrasystemic relations permits the author to find more accurate representation of the functioning of ethnonym as well as to create possibilities for their new „readings“.

The other focus of the article is hermeneutic analysis of intra-textual ethnonym distribution and their mutual situation in geographical space. The juxtaposition of these two types results in more reliable geographic location of the ethnonyms:

V. N. Shaposhnikov

© 1994 г. ЭО, № 5

А. С. Герд

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

В кругу гуманитарных дисциплин этнография и языкознание традиционно стоят рядом. О необходимости учета этнографических данных в диалектологии писали классики русского языкознания А. А. Шахматов, Н. П. Гринкова, Б. А. Ларин¹. В трудах Ф. Боаса, Э. Сепира этнолингвистика зародилась как ветвь антропологии в американском понимании этого термина².

В последнее время данному понятию был придан несколько иной смысл в трудах Н. И. Толстого³. Воздерживаясь от детального обсуждения предмета и всех аспектов современной этнолингвистики, отметим лишь основные направления, которые, бесспорно, связывают языкознание и этнографию. Это

соотношение языка (языков) и этноса (этносов); моделирование представлений о материальной и духовной культуре народа; проблемы исторического формирования народного мышления; история слов-заимствований в истории вещей; типы языковых состояний и этнос; отношение к языку и характер пользования языком (монолингвизм, билингвизм, полилингвизм); этнонимика и этнос; топонимика и этнос; этногенез и этническая история; язык специальных работ по этнографии; методы языкознания и методы этнографии*.

С. А. Арутюнов справедливо замечает, что любой этнический процесс реализуется через язык⁴. Действительно, трудно найти обобщающую книгу или статью по этнографии, где бы не говорилось о роли языка. Тем не менее в большинстве работ по этнографии язык используется преимущественно как естественный эмпирический объект, как знак, символ, признак этноса. При этом, как правило, не оговаривается, какой это язык — письменный, устный, литературный, разговорный?⁵

В свое время Ю. В. Бромлей отмечал, что, несмотря на выполнение языком особой роли как в интеграции, так и в дифференциации этнических общностей, язык сравнительно редко выступает в качестве предмета специальных этнографических исследований. Изучение же народов, обладающих письменностью, почти всегда представляет собой домен лингвистики. Дальнейшая успешная разработка этнолингвистической проблематики требует объединенных усилий лингвистов и этнографов⁶.

Здесь следует отметить, что этнографы редко учитывают достижения науки о языке, современной лингвистики. Чаще всего используются лишь результаты диалектного членения той или иной территории, генеалогической классификации языков, ономастики (топонимика, этнонимика). Иногда обращается внимание на такие выработанные в современном языкознании важнейшие понятия, как национальный язык, литературный язык⁷.

В частности, этнография игнорирует, на наш взгляд, весьма существенные для нее достижения современной отечественной и зарубежной лингвистики в области анализа общественных функций языка, выявления и описания разных форм языкового состояния.

В современной лингвистике по разным основаниям выделяются следующие основные формы существования, состояния языка: устная речь — письменный язык; литературный (стандартный) язык; язык художественной литературы; язык фольклора; язык публицистики, радио, телевидения; язык науки и техники; язык организационно-распорядительной документации; обиходно-бытовая речь; диалекты; литературная разговорная речь; профессиональная речь; арго; жаргоны.

Иногда в литературе выделяют особые общественные функции языка: 1) общения (село, город, район), 2) обучения, 3) употребления в различных сферах общественно-политической жизни, 4) язык художественной литературы, науки, публицистики, 5) межнационального общения. Все они в конечном счете реализуются в тех или иных типах языкового состояния⁸. В высокоразвитых этносах разные типы языковых состояний образуют национальный язык.

Если внутренняя структура и закономерности функционирования и эволюции каждой из указанных выше форм составляют предмет собственно языкознания, то в задачи этнографии, а в перспективе и этнолингвистики входят анализ и корреляция различных видов языкового состояния и этноса (этносов)**.

* Автор не ставит своей целью обсуждение спорных теоретических вопросов о признаках этноса, о типах этнических общностей, а также анализ общетеоретической проблемы «язык (языки) — этнос (этносы)», которые не раз поднимались в этнографической литературе в последние годы.

** Некоторые из этих видов затрагивались в этнографической литературе (см. прим. 4, 9, 16, 18, 20, 21).

одной стороны, существуют этносы, например, русские, французы, которые обладают полным набором перечисленных выше форм. С другой стороны, в мире немало этносов, не имеющих письменной формы языка, но обладающих развитой системой диалектов, аргю, профессиональной речи. По-видимому, наиболее широкий охват языковых и филологических признаков, используемых в качестве критериев при рассмотрении конкретного этноса, можно найти у В. В. Пименова⁹. При обследовании информантов удмуртов и чувашей им учитывались такие параметры, как выбор родного языка, язык, употребляемый дома и на работе, язык публичных выступлений, чтение удмуртской прессы и книг удмуртских писателей, язык обучения в школе, степень знания родного и русского языков.

Рассмотрим подробнее некоторые из отмеченных выше общих типов языкового состояния. Остановимся сначала на формах устно-речевого общения. Среди них в работах по этнографии чаще всего используется понятие территориального диалекта. При этом нередко делается оговорка, что поскольку границы между близкородственными языками и их диалектами неотчетливы, а сам диалект не совпадает с языком, то и диалект как признак не может служить параметром выделения этноса. В то же время есть немало случаев, когда диалект как группа говоров хорошо коррелирует именно с понятием субэтноса, тех или иных этнических объединений. Например, только в пределах Севера России поморские диалекты полностью соответствуют поморам Белого моря, заонежане — диалекту Заонежья, белозёры — белозерской группе говоров, ядро псковской группы говоров — скобарям, осташковские диалекты — осташам¹⁰.

К сожалению, в исследованных по этнографии практически не используется понятие «наречия» как совокупности диалектов, обладающих общими чертами. Вместе с тем именно понятие наречия хорошо соотносится с некоторыми историческими мезаэтническими группами. Так, например, севернорусское наречие коррелирует с понятием севернорусы, южнорусское — с понятием южнорусы. И в этом отношении в чисто лингвистическом аспекте мысль о том, что можно говорить о двух русских народах: севернорусском и южнорусском — не лишена основания¹¹.

В любом случае понятие наречия могло бы использоваться в качестве дополнительного этнического маркера для выделения этнических групп соответствующего уровня.

При выделении микроэтнических объединений в рамках ареального микроузла, отдельного населенного пункта, группы семей в лингвистическом плане достаточно надежным коррелятом может служить понятие территориального говора как самой мелкой ареальной разновидности. Именно здесь хорошо прослеживается, благодаря полевым записям диалектной речи, отношение человека к своему говору, к говору соседей (семья, деревня), осознание собственного отличия от соседей, сопредельных групп населения и опознание соседей как раз по мелким особенностям речи.

О том, как представители того или иного этноса (субэтноса) относятся к объективной действительности, к себе, к соседям, можно судить по обширному цитатному материалу, содержащемуся в диалектных словарях и картотеках лексики разных языков и диалектов. Со временем они должны стать одним из основных источников и собственно этнографических исследований. Приведем только две цитаты, записанные нами в Псковской обл. «А там за Порховым живут „ти-ти-ти типловато, ти-ти-ти морсковато“, те — тикуны, скобари, а мы здесь — „на о“ (Дновский р-н). «Яны так не прицокивают, мы их поляками зовем, наречие у них совсем другое» (Великолукский р-н).

Наконец, в пределах и внутри тех или иных диалектных групп функционируют как открытые подсистемы профессиональных языков (речь рыбаков, охотников, гончаров), так и закрытые — профессиональные аргю.

Открытые подсистемы представляют собой фрагменты системы диалекта,

обычно достаточно хорошо известные многим его носителям. Они пользуются престижем, уважением, проявляются в речи женщин, подростков. Арг — условные языки ремесленников и торговцев — это тайные языки, закрытые подсистемы, основная функция которых — конспирация темы разговора. Таковы, например, арг Торопца, Осташкова в Средней России.

Языки современных высокоразвитых этносов (русских, немцев, французов) в ареальном плане членятся не только на наречия, диалекты и говоры, но и на региолекты (интердиалекты). Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая города и поселки городского типа, т. е. весьма значительные группы того или иного этноса. Носителями региолектов нередко являются местные по происхождению сельские учителя, врачи, агрономы, работники клубов. Региолекты — особая форма устной речи, в которой утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Однако эта форма, с одной стороны, не достигла еще статуса стандартного литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадает с городским просторечием¹².

Так, почти все севернорусы, т. е. жители городов Северной России, и представители других народов русского Севера и Северо-Запада в процессе устно-речевой коммуникации пользуются двумя региолектами русского языка — собственно севернорусским и северо-западным. Первый охватывает обширную территорию к северу от Твери, Ярославля, Череповца, другой — территорию к северо-западу от Москвы (Тверская, Псковская, Новгородская, Ленинградская, Мурманская области, Карелия).

Таким образом, выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории.

Среди других форм устной речи выделяются разные наддиалектные виды разговорной речи, не имеющие уже территориальной закреплённости и распространённые преимущественно в городах и поселках городского типа. К ним относятся обиходно-бытовая неофициальная речь и официальная литературная речь. С лингвистической точки зрения они проявляются чаще либо в формах устной литературной речи (разговорная речь интеллигенции), либо в форме стандартного городского просторечия. При этом, например, русское просторечие выделяется как устная ненормированная, социально ограниченная речь горожан, выходящая за рамки литературного языка. В лингвистике описаны просторечие, состав и социальный круг его носителей¹³. Для этих типов крайне важны отнесенность к ситуации, степень подготовленности, число говорящих, тема беседы. С социолингвистической точки зрения эти типы речи соотносятся с различными социальными диалектами, представленными в том или ином городе. Этнический аспект языка современного города привлекает особое внимание этнографов.

Так, государственный стандартный язык, доминируя в сфере официального и делового общения, отнюдь не обязательно служит языком домашнего или неофициального обиходно-бытового общения. Ярким примером может служить язык таких молодых городов, как Мончегорск, Норильск. Все официальное производственно-деловое общение на заводах и комбинатах Норильска, где проживают и работают представители свыше 80 национальностей, осуществляется на стандартном русском языке. Неофициальное бытовое общение также по большей части протекает в смешанных семьях в формах русской разговорной речи, в однопациональных семьях — на родном языке; в школах и институтах — на русском языке¹⁴. В этих случаях предметом этнографии, этнолингвистики является изучение распределения разных форм речи по тем или иным этническим группам большого города. Сказанное полностью относится и к таким городам, как Петербург и Москва¹⁵.

Особое место среди различных форм устной речи занимают жаргоны. Они также распространены преимущественно в городе. Это жаргоны молодежных

групп, внетерриториальные, тюремные, воровские, профессиональные, жаргоны мафии.

К наддиалектным формам относится исторически и койне города, говор которого обычно ложится в основу литературного языка (говор Москвы, Лондона).

В многочисленных социолингвистических исследованиях, ориентированных, как правило, на один язык, вообще отсутствует какая-либо этническая или этнографическая ориентация. Такие работы как бы замкнуты на самих себя. И здесь только широкий сопоставительный и сравнительно-исторический подход с позиций этнографии может выявить этническую специфику распределения разных типов речи в большом городе.

Именно в исследовании проблем этнографии современного города наиболее тесно переплетаются собственно этнография, лингвистика, социология и психология (как известно, изучением отношения к языку занимаются сегодня и психологи, и социологи).

Литературный язык является высшим типом языкового развития. Он функционирует в таких формах, как литературная разговорная речь, язык художественной литературы, язык публицистики, радио, телевидения, язык науки и техники, язык официально-делового общения, конфессиональный язык.

Степень этнической консолидации проявляется в степени распространения и общепризнанности литературного языка. Язык, прежде всего единый стандартный, литературный, нередко является не только символом нации и национального единения, но и борьбы за национальное самосознание, независимость, автономию.

История одних литературных языков насчитывает тысячелетия (арабский, греческий), других — несколько десятилетий. Один литературный язык может обслуживать один этнос (словенский, словацкий), хотя часто один и тот же литературный язык в той или иной степени проецируется на ряд этносов (русский, английский, испанский).

Литературный язык, в особенности письменный литературный, не обязательно охватывает весь этнос. Целые группы населения по тем или иным причинам могут не владеть письменным литературным языком. Это и безграмотные, и носители просторечия, аргю, диалектов, и просто лица, не получившие образования. Причем степень владения письменным литературным языком может быть различной: от умения стилистически грамотно писать письма и заявления до создания на этом языке художественных или научных произведений. Таким образом, разное владение письменным литературным языком всегда предполагает тот или иной необходимый уровень образования и эрудиции. Разумеется, само распределение аспектов и параметров владения литературным языком по группам внутри одного этноса и по разным этносам будет отнюдь не одинаковым¹⁶.

Исторически литературный язык может быть и неродным, привнесенным извне — ситуация, достаточно типичная для стран Азии. Иногда чужой язык исторически доминирует в высших сферах общения (литература, искусство, наука). Таковы классический арабский язык у иранцев, латинский язык у германских народов и западных славян. В сходной функции мог выступать и свой древний язык, к примеру, древнеармянский грабар у армян, церковнославянский язык южных и восточных славян в XI—XIII вв., японский литературный язык XVII в.

Нередки случаи, когда в пределах одного государства параллельно функционируют два письменных литературных языка. Например, в XVII в. в польско-литовском государстве на территории Украины, Белоруссии и Западной Руси украинцев, белорусов, поляков и русских в равной степени в разных ситуациях (полемика по конфессиональным вопросам, делопроизводство, судопроизводство) обслуживали как польский литературный язык, так

и особый язык Западной Руси (староукраинский, старобелорусский) в его деловом и церковнославянском вариантах. В России XVIII в. во многих сферах и ситуациях наряду с языком новой русской литературы сохранялся церковнославянский.

Литературный язык может иметь свои варианты. Так, ретороманский язык в кантоне Граубюнген в Швейцарии существует в шести литературных вариантах. Учебники для школы там созданы на всех шести вариантах, кроме того, обучение ведется в школе на немецком и на итальянском языках. В Албании существует два варианта албанского литературного языка; особую роль играет говор Тираны¹⁷. В Испании галисийский язык имеет свою старую литературу, но находится юридически на положении особого диалекта по отношению к официальному языку страны — испанскому.

Провансальский язык тоже имеет старую богатую литературу и более чем 100-летний опыт борьбы за сохранение и развитие языка, а наряду с ним функционирует официальный французский язык. Такие мощные литературные языки, как испанский, французский, итальянский, подавляют местные литературные языки — галисийский, каталонский, провансальский. В некоторых работах особо выделяются крупные локальные варианты языка, например, испанский в странах Америки.

В Канаде в настоящее время функционируют практически два равноправных варианта двух литературных языков — английского и французского.

Интересным и неизученным параметром оценки этноса является отношение к известному или уже малоизвестному старому литературному языку. К примеру, не только в России, но и на Украине, в Белоруссии, Болгарии, Сербии, Словении в течение долгих столетий вплоть до середины XIX в. был весьма высок авторитет церковнославянского языка; как образ не забыт он и сегодня.

Представление о языке художественной литературы в обыденном непрофессиональном сознании обычно сливается с представлением о художественной литературе и о литературном языке. В любом случае, если народ или хотя бы часть его осознает сам факт наличия собственной художественной литературы, ощущает гордость за нее, и эта литература ассоциируется у него с понятием об «образцовом правильном языке», — все это не может не учитываться при рассмотрении различных вопросов, связанных с характеристикой того или иного этноса.

Например, вряд ли возможно отрицать, что такие имена, как Фонвизин, Крылов, Пушкин, Толстой, Чехов, в сознании русского сегодня связаны с идеями о величии русского народа, его истории, духа, литературы и языка.

В современных условиях нередки случаи, когда писатели одной национальности пишут свои произведения на государственном языке другой нации. Это, к примеру, Ч. Айтматов, Ч. Гусейнов, В. Быков, Ч. Амирэджиби, Ю. Рытхэу. В Индии выросла целая плеяда писателей, пишущих на английском языке. Классик бенгальской литературы Б. Четтерджи написал свой первый роман по-английски.

Для характеристики отдельных групп этноса весьма существенно, какое место в их сознании занимают писатели собственной национальной литературы, литературы иных народов, а также осознают ли представители той или иной этнической общности своеобразие национального языка, гордятся ли им.

Особую разновидность литературного языка представляет язык фольклора. Данный тип реализуется лишь в определенных ситуациях. Здесь весьма интересно использование фразеологии, пословиц и поговорок, которые нередко выступают как неотъемлемая часть спонтанной разговорной речи.

Учет именно языка фольклора в качестве одного из параметров при моделировании понятия «этнос» встречается довольно редко. Именно на эту сторону проблемы обращает внимание и К. В. Чистов¹⁸. Обращение к фольклору — это всегда обращение к тексту, к языку. Многообразные аспекты

действительно комплексного этнолингвистического подхода находим в работах С. М. Толстой и Н. И. Толстого¹⁹. Фольклор, обладающий большим разнообразием жанров, представляет исключительно благодатную почву для этнолингвистических исследований.

Существенным аспектом корреляции язык—этнос является наличие или отсутствие на определенной территории газет, журналов, радио, телевидения на тех или иных языках. Отсюда, естественно, вытекают вопросы: обладает ли данный этнос стандартным языком публицистики (языком радио, телевидения, газет, журналов), какой это язык: родной или неродной, какие группы этноса он охватывает своим влиянием, распространяется ли этот язык на всю государственную, административную территорию или только на часть ее, сколько и каких языков публицистики функционирует на данной территории. В Финляндии, например, официально функционируют два государственных языка — финский и шведский. И соответственно выходит немало газет, журналов не только на финском, но и на шведском языках. При этом массовая реализация шведской периодики, программ радио и телевидения имеет место преимущественно в Западной Финляндии и на Аландских островах.

Многочисленные примеры, касающиеся употребления языка на территории Татарии, Карелии, можно найти в работах Е. И. Клементьева, М. Н. Губогло²⁰.

Не менее актуальны также и вопросы о том, обладает ли данный этнос языком науки; какой это язык; какие группы этноса каким языком науки и в какой степени пользуются как в ситуациях создания письменного текста (статьи, монографии, учебники, энциклопедии), так и устного речевого общения (сообщение в НИИ, вузе, на конференциях, семинарах). В Польше, например, латинский язык долгое время был официальным языком науки, некоторые специальные журналы издаются на латинском языке еще и сегодня.

Однако общий вопрос: где, как и какие специальные тексты следует переводить на те или иные национальные языки, каков должен быть характер перевода, собственного научно-терминологического текста — далеко не так прост даже для многих развитых национальных языков. Во-первых, здесь нельзя не учитывать разные типы научных текстов. Каждый ли научный текст нуждается в переводе? Среди различных типов научных языков есть тексты с достаточно высокой степенью формализации и стандартизации их отдельных частей, тексты, предназначенные для специалистов, которые в целом понимают этот тип текста по своей специальности как на английском, так и на французском или немецком языке. Характерным примером являются тексты по химии, физике, математике, в значительной степени по биологии, геологии, медицине, языкознанию. Здесь вопрос о том, создавать ли свой текст на языке национальной республики или же на русском языке межнационального общения, при наличии практического индивидуального двуязычия, чаще решается в пользу русского языка. Скорее всего именно через русский язык достижения исследователей в этой республике станут известны и за рубежом.

Несколько сложнее с техникой и ее отраслями. На каком языке писать работы по нефтяному делу в Азербайджане и Туркмении, по машиностроению или строительству в Армении и Грузии? Тексты по технике, строительству, транспорту создаются нередко вчерашними практиками, рабочими, районными инженерами, мастерами. И тут, естественно, вполне закономерен высокий процент текстов на национальных языках. Что касается специальных текстов по вопросам сельского хозяйства, то в них, конечно, преобладают тексты на данном национальном языке. Тексты по хлопководству, бахчеводству, растениеводству, лесному хозяйству, как правило, предназначены для местных работников и сельскохозяйственных организаций.

Наконец, особняком стоит вопрос о текстах по общественно-политическим дисциплинам, истории, экономике, педагогике, искусству, спорту. Структура этих текстов на любом языке весьма близка к структуре данного общенародного

языка. Эти типы текстов в большинство своем создаются на местном национальном языке.

В целом мы встречаемся здесь с одним из самых сложных моментов как в самом языковом развитии, так и в практике национального языкового строительства. Интересы науки, научного обмена между народами требуют не отгораживаться национальными рамками, а добиваться стандартизации и интернационализации научных языков, настоятельно выдвигают вопрос о языке-посреднике. Вместе с тем рост национального самосознания, развитие местной публицистики, газет, радио, телевидения, школы, театра, рост национальной художественной и в особенности научно-популярной литературы не менее настоятельно требуют дальнейшего усовершенствования национальной научной терминологии.

В большинстве республик бывшего СССР научное общение в области точных и естественных наук, как правило, происходит на русском языке. В целом в характере пользования специальными языками науки здесь могут быть большие различия в зависимости от отрасли знания, техники, образовательного уровня специалистов, их возраста, этнического состава научных коллективов, ситуаций (конференция, семинар, лекция в вузе, популярная лекция).

Что касается «средних» носителей языка, то тут весьма показательным являются отчуждение и определенное неприятие собственно научных текстов как «чересчур заумных», непонятных. Это само по себе уже свидетельствует о наличии языка науки как обособившейся формы. В конечном счете проблема знания и пользования разными языками науки — одна из актуальных для изучения современных этносов: она почти не затронута в этнографии.

Сюда же примыкает и учет языка обучения, языка школы; какой язык, в каких школах, лицеях, гимназиях используется (городских, сельских, специальных), в каких классах, по каким предметам.

При характеристике этноса, ведущего активную и динамичную современную информационную деятельность, нельзя абстрагироваться и от такого параметра оценки, как наличие или отсутствие официально-делового языка.

С точки зрения лингвистической официально-деловой язык — это язык законов, постановлений, указов, бланков, производственной документации на заводах, фабриках, в учреждениях, заявлений, отчетов. Таким образом, официально-деловой язык — это та форма языка, с которой ежедневно сталкиваются представители самых разных этнических групп во всех странах мира.

Интересные данные такого рода, собранные в комплексной экспедиции в Чувашии, приводятся Р. А. Григорьевой. Законодательство, судопроизводство в Чувашии осуществляются и на русском, и на чувашском языках; в сфере научно-технического производства используется преимущественно русский язык; на селе более 50% чувашей, имеющих образование 10 классов и выше, выступают на собраниях на русском языке, а в однопользовательных коллективах 86% — на чувашском; в городе, напротив, 86% чувашей выступают на русском; на производстве 40% чувашей пользуется двумя языками, 57% — преимущественно русским²¹.

Так, языком делопроизводства для большинства народов Севера служит либо русский язык, либо якутский²².

Английский и французский языки, функционирующие сегодня во многих странах Африки (прежде всего в деловой сфере), развиваются на фоне множества местных языков и диалектов. В Гане, например, официальный язык английский, а в тех странах, с которыми она тесно связана (Гвинея, Того), — французский. В целях стирания межъязыковых границ в англоязычных странах предусматривается внедрение французского языка, а во франкоязычных — английского, что в итоге должно привести к англо-французскому двуязычию в деловой и официальной сферах.

Вопрос этот сегодня весьма актуален, поскольку во многих республиках бывшего СССР наблюдается сильная тенденция к переводу всего делопроизводства на тот или иной национальный государственный язык. Как известно, подобная тенденция вызывает неоднозначное отношение у различных этнических групп на той или иной государственной территории.

Оригинальным параметром оценки развитого этноса является также тип языка рекламы и объявлений в газете, на улицах, по радио; какой это язык: родной или неродной, государственный, каково отношение к рекламе, ее языку, к штампам, клише.

Особую форму языка представляет эпистолярный язык, язык писем. И здесь существенно, на каком языке и в каких ситуациях пишутся личные письма.

Специфика литературного языка в том, что он, функционируя преимущественно в письменной форме, как правило, является языком приобщения к другой культуре и к мировой культуре в целом. Например, русский литературный язык, репрезентирующий не только великую русскую культуру, но и мировую культуру, является источником приобщения к ней не только русских России, но практически и всех других ее народов.

Подобные функции во многом выполняют английский и французский языки в странах Азии и Африки. Можно отметить двойственное отношение к европейским языкам в Африке и в Азии. Сегодня это уже не языки колонизаторов. Рост уровня образования, увеличение числа книг требуют единых языков приобщения к культуре²³. Вследствие этого многие развитые литературные языки в лице своих этносов нередко проявляют интерес к ареальному и функциональному расширению своего влияния (английский, русский).

До сих пор мало изучено место конфессионального языка в жизни этноса. Как известно, вся история европейских литературных языков XIV—XVII вв. пронизана идеей борьбы за внедрение народных языков в сферу конфессиональной жизни, за богослужение на родном языке. Ярким примером может служить деятельность создателей словенского литературного языка Примуса Трубара и Юрия Далматина, впервые переведших на словенский язык Библию.

Ватикан только в 1969 г. разрешил вести службы на местных языках. Церковь в Галисии в Испании прошла путь от латинского к билингвизму с галисийским и к испанскому (кастильскому). Крестьяне Галисии хотят слышать в церкви не свой обиходно-бытовой галисийский язык, а чужой, едва понятный, но зато авторитетный кастильский. В городах Галисии, напротив, галисийская интеллигенция с удовольствием слушает с кафедр галисийскую речь, а дома говорит по-испански.

Какой язык используют те или иные представители этноса в качестве конфессионального, какова степень его распространенности, каково соответствие типа вероисповедания и языка — все эти вопросы не могут не интересовать этнографию и этнолингвистику.

Важным показателем степени развития этнического самосознания является отношение к форме письма, к алфавиту. В истории различных народов не раз отмечались случаи перехода на новый алфавит, создания новых алфавитов для бесписьменных языков. Достаточно вспомнить ожесточенную борьбу в 20-е годы нашего столетия между сторонниками арабского и латинского алфавита в Азербайджане, споры о переходе народов Дагестана на новый латинизированный алфавит, постепенный переход на кириллический алфавит чувашей, мордвы, марийцев, а затем и народов Дагестана, Средней Азии. Журналы тех лет «Революция и Восток», «Революция и письменность Востока», «Революция и горец», «Язык и письменность народов Севера», протоколы заседаний Комитета нового алфавита, съездов и конференций содержат немало ярких примеров общественного и индивидуального отношения к алфавиту, письменности.

Своеобразным примером негативного отношения к «чужому» алфавиту, отношения, имеющего, правда, объективную социальную основу, является массовое общественное неприятие в наши дни в Москве и Петербурге названий магазинов и реклам, написанных латинскими буквами. При этом неважно, какой язык стоит за этими надписями.

Побочными, более лингвистическими, но в конечном счете имеющими большое значение для характеристики этноса, являются такие параметры, как мера и степень пуризма, отношение к заимствованиям, к норме литературного языка и ее нарушениям, мера и степень владения кодифицированными формами литературного языка, диалектные особенности какого диалекта (субэтноса) более всего ощущаются в литературной разговорной речи.

Безусловно, изучение внутренних закономерностей отдельных литературных языков — предмет языкознания²⁴. Для этнографии и этнолингвистики важны, главным образом, обобщающие итоги, результаты тех исследований, которые можно было бы спроецировать на специфические задачи этнографии.

Все виды языкового состояния, проанализированные выше, в разной степени могут осуществляться в условиях монолингвизма, билингвизма или реже мультILINGвизма, в зависимости от типа ситуации, среды, а также от возраста, уровня образования, профессии, места жительства индивидов. Но эти вопросы являются предметом особого исследования.

Отмеченные выше лингвистические признаки и параметры целесообразно учитывать в ходе этнографических обследований того или иного этноса. В одних случаях такую работу весьма успешно смогут выполнить сами этнографы, в других, по-видимому, — совместно с лингвистами.

Примечания

¹ Шахматов А. А. Русская историческая диалектология. СПб., 1911; Гринкова Н. П. Этнография и диалектология // Тр. Второго Всесоюз. географ. съезда. Т. 3. М., 1949. С. 300—314; Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Очерки истории языка. Л., 1960. С. 3—16.

² Boas F. Handbook of American Indian Languages (Introduction). Wash., 1911; Сенир Э. Язык. М.; Л., 1934.

³ Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 5. С. 397—405. См. также статью «Этнолингвистика» // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

⁴ Арутюнов С. А. Этнические процессы и язык // Расы и народы. М., 1985. № 15. С. 30—55.

⁵ Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968; Козлов В. И. О понятии этнической общности // Сов. этнография (далее — СЭ). 1967. № 2. С. 100—111; его же. О соотношении этноса и языка в системе этнической иерархии // Расы и народы. М., 1968. № 18. С. 44—45.

⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 221.

⁷ Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970; Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

⁸ Закономерности развития языков народов СССР в советскую эпоху. Т. 1. М., 1969. С. 28.

⁹ Пименов В. В. Системный подход к этносу (к постановке проблемы) // Расы и народы. М., 1986. № 16. С. 12—30.

¹⁰ См., например: Логинов К. К. Являются ли «заонежане» локальной группой русских // СЭ. 1986. № 2. С. 91—95.

¹¹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 29—32. (На с. 438—439 см. критику этой идеи К. В. Чистовым.)

¹² Трубинский В. И. Современные русские региолекты // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156—162.

¹³ Городское просторечие. М., 1984; Разновидности городской устной речи. М., 1988.

¹⁴ Герд А. С. Русский литературный язык и русская разговорная речь в городах Заполярья // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1986. С. 3—11.

¹⁵ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

¹⁶ Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы // Расы и народы. М., 1979. № 9. С. 9—31.

¹⁷ Десницкая А. В. Из истории образования албанского национального языка // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1960. Т. X. С. 219—251.

¹⁸ Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры//СЭ. 1972. № 3. С. 73—85.

¹⁹ См., например: Толстой Н. И., Толстая С. М. Заметки по славянскому язычеству//Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 49—54; Толстой Н. И. Иван-аист//Славянское и балканское языкознание. М., 1984. С. 115—118.

²⁰ Губогло М. Н. Социоэтнические последствия двуязычия//СЭ. 1972. № 2. С. 26—36; Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии//СЭ. 1971. № 6. С. 38—44; его же. Развитие языковых процессов в Карелии//СЭ. 1974. № 4. С. 26—36.

²¹ Григорьева Р. А. Этноязыковые процессы в Чувашской АССР//Расы и народы. М., 1984. № 14. С. 82—94.

²² Скорик П. Я. Общественные функции языков народностей Севера//Язык и общество. М., 1968. С. 148—150.

²³ Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.

²⁴ См., например: Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967; Гухман М. М. От немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. 1—2. М.; Л., 1955—1959; Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936; Ярцева В. Н. Развитие национального английского языка. М., 1969.

On some Problems of Ethnolinguistics

The author argues that although ethnography and linguistics are perceived as neighbouring disciplines within the frame of the humanities, ethnographers do not make sufficient use of the findings of modern linguistics; this is especially true of the analysis of the societal functioning of languages.

The article dwells upon some linguistic forms, such as the literary language, dialects, mass media language etc., which must be included within the subject of ethnography and ethnolinguistics.

A. S. Gerd

© 1994 г., ЭО, № 5

И. Е. Балыгин

О НАЗВАНИИ РЕКИ ВОЛГИ

В начальных летописях отмечалось, что до IX в. н. э. область междуречья Оки и Волги была заселена главным образом угро-финскими племенами. Большое число рек и озер в этом регионе имеют названия, которые обычно считают угро-финскими. Исходя из этого, некоторые авторы считали и название «Волга» угро-финским. Так, пытаясь объяснить этимологию этого названия, С. К. Кузнецов выдвинул гипотезу о его марийском происхождении¹. Летописные меря, по мнению исследователя, являлись предками нынешних марийцев и их язык был близок к современному марийскому.

В марийском языке *волгодо* означает «свет, светлый». *Волгончо* — «молния», а глагол *волготам* — «свечусь, яснею»². Эти слова и были взяты Кузнецовым за основу для объяснения этимологии слова «Волга». Для речного суффикса *га* он использовал марийские *йуга* или *йога* в значении «река». Из слов *волгодо* и *йуга*, по мнению этого автора, и образовано название Волги в значении «светлая, светящаяся». Следует заметить, что сами марийцы называют Волгу Юл (Иул).

О. И. Сенковский также взял за основу марийские слова *волголтеш* и *волгусертеш*, означающие «святиться»³. По-тюркски Итиль, Идель — река. Поэтому название Волги должно означать «святая». В татарских преданиях